

Рия Райд

ЛИДЕЛИУМ

— ПЛАМЯ ДЕСЯТИ —

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Reservoir Dots / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке — *RubyDi*

Иллюстрации на наклейках — *Levanda Art*

Райд, Рия.
Р18 Лиделиум. Пламя Десяти / Рия Райд. — Москва : Эксмо,
2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-206827-0

С тех пор как всем стали известны подробности трагедии на Мельнисе, мир больше не кажется безопасным. Галактика погружена в хаос.

Лидер повстанцев вновь предстает перед непростым выбором: продолжать восстание или бросить все ради спасения любви? Кристиан Диспенсер, чья коронация должна состояться со дня на день, намерен подавить сопротивление раз и навсегда. От нового кровопролития империю спасает только вынужденное перемирие, заключенное по общему требованию Лиделиума до тех пор, пока войска Галактического Конгресса не найдут Марию Эйлер.

Ее поиски продолжаются второй месяц, и кажется, это единственное, что сдерживает обе стороны от новой войны. В борьбе с истинным злом впервые за долгое время готов объединиться весь мир.

Но что делать, если это зло — ты?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206827-0

© Рия Райд, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Кристанская империя. Аранда,
вторая планета Данлийской звездной системы,
резиденция императорской семьи Диспенсер,
4854 год по ЕГС*
(7079 год по земному летоисчислению)

ЗА 12 ЛЕТ ДО ТРАГЕДИИ НА МЕЛЬНИСЕ

Когда корабль сплотирировал на посадку, Данлия уже давно вззошла над горизонтом. Время близилось к полудню. Стоя у панорамного окна своего кабинета, Александр Диспенсер наблюдал за тем, как несколько операционок спешат к трапу приземлившегося судна, и невольно думал о том, что неплохо бы перекусить. Сегодня он намеренно попросил сдвинуть обед на пару часов в надежде разделить его с гостем.

Однако предвкушения долгожданной трапезы было недостаточно, чтобы скрасить настроение самого гостя. Показавшись из кабины корабля, он, завидев операционок, недовольно поморщился и, брезгливо отвернувшись, спешно сбежал со ступеней. Его движения, как всегда, были немного резкими и грубоватыми, шаги, даже несмотря на невысокий рост, широкими, быстрыми и решительными, а выражение лица такое, будто ему уже давно осточертел весь мир.

Манеры Нейка Брея, как любила отмечать Джорджиана, всегда были «шершавыми». Будучи человеком крайне нелюдимым, жестким и прямолинейным, истинное изящество он проявлял лишь в одном — красноречивом убийстве оппонентов. И, признаться, Александра даже восхищал этот парадокс: дерзость, непримиримость, черная ирония, резкость, жесткость, откровенность, авантюризм — ровно за все то, за что в лиделиуме так

осуждали Нейка Брея как человека, его уважали как политика. Александр же за все это ценил его вдвойне — как своего десницу и лучшего друга.

На то, чтобы подняться в его кабинет, Нейку понадобилось около пяти минут. Он ворвался в него как всегда без стука. Распахнув дверь, Брей обвел помещение хмурым взглядом, небрежно отшвырнул плащ в сторону ближайшей операционки и, шумно упав в кресло, наконец посмотрел на Александра.

— Виски есть?

Губы Диспенсера невольно дрогнули в улыбке. Виски — это хороший знак. Значит, переговоры прошли успешно. Завершись все плохо, Брей бы требовал абсент.

— Думаешь, я не подготовился? — уточнил он, доставая из бара стеклянный графин. — Как все прошло с Палмерами?

Нейк ответил не сразу. Молча наблюдая, как друг разливает алкоголь по бокалам, он на несколько минут ушел в себя.

— Ты знал, что Рауль Палмер поклонник Шагеля, впрочем, как и всей арианской поэзии Древнего мира?

Протянув ему бокал, Александр в недоумении вскинул брови. Конечно, он не знал. Да и с чего его вообще должно это волновать?

— Я вот тоже понятия не имел, — хмуро заключил Брей, залпом опустошив стакан и вновь поставив его перед другом. — Я пересек хренову галактику, чтобы больной старик трое суток сливал мне в уши свое рифмоплетское дерьмо. Часы словоблудия о любимых крылатых фразочках на древнеарианском и ни слова о пограничных пунктах его Калиотской системы, тормозящих наши корабли и задерживающих транспортировку торфа.

— А ты? — терпеливо уточнил Александр. Вновь наполнив бокал, он придвинул его к Нейку и, опустившись в свое кресло за столом, пригубил виски.

— А что я? Пришлось признать, что среди выражений на древнеарианском и у меня есть любимое.

— Это еще какое?

— «Берите гребаные деньги!»

Вновь осушив стакан, Нейк Брей оглянулся в сторону Александра. Он смотрел на него исподлобья. Темные, с проблесками первой седины брови были сведены к переносице, нос чуть сморщен, а губы сжаты в узкую полоску. Любой другой бы решил, что Нейк Брей в ярости и из последних сил сдерживает раздражение, любой другой уже давно бы запаниковал. Александр же в течение минуты терпеливо смотрел на друга в немом ожидании и вдруг расхохотался. Он смеялся тихо, но искренне и заразительно, наблюдая, как уголки губ Брея медленно ползут вверх.

— Ты же прогнул его, не так ли? — уточнил Александр, в очередной раз пополняя бокал друга. — Он согласился снять свои блокпосты?

— Нет, — брезгливо отмахнулся Брей. — Старый кретин совсем выжил из ума. Я договорился с Марено. Они откроют постоянный транзит для наших кораблей через свои системы в два раза дешевле. Поэтому пришлось задержаться. Я убил три чертовых дня, пытаюсь совладать с крепчающим маразмом Палмеров, вместо того, чтобы потратить всего час на переговоры с Марено.

Александр улыбнулся. Вздохнув, Нейк удобнее разместился в кресле. Алкоголь наконец сделал свое дело. Черты Брея расправились, и на его лице проступил легкий румянец. Пару минут он сидел, погрузившись в свои мысли и машинально взбалтывая темную жидкость на дне бокала. Александр знал, что Нейку нужно дать время. Кажется, впервые за последние дни тот позволил себе расслабиться.

В такие моменты Александр чаще обычного вспоминал былые дни. Он любил представлять, будто последних двадцати лет и не было вовсе. Будто он сам пока еще юнец, которому только предстоит познать все тонкости политических интриг, а Нейк — всего лишь неказистый отпрыск обедневших аристократов и по совместительству его лучший друг. Как и тогда, Брей по-прежнему так же смело и бесцеремонно врывается к нему в кабинет и по паре часов распивал виски, иногда заводя короткий диалог, а иногда, уходя в свои мысли, молча наслаждался уединением в его компании. И все же даже сей-

час Александр вновь и вновь возвращался к мысли о том, что за эти годы многое изменилось.

— Слышал, что случилось с Крамерами? — поинтересовался Александр спустя пару минут.

Лицо Нейка помрачнело в то же мгновение.

— Да уж, — тихо протянул он. — Чудовищная трагедия, что уж тут скажешь... Эта охота на сайгайтов — развлечение для настоящих психов.

Александр не мог не согласиться. Охота на гигантских чешуйчатых рептилий на Редизе в Лифонской системе была многовековой семейной традицией Крамеров и одним из любимых, поистине кровавых развлечений в лиделиуме. Лара и Симеон Крамеры обычно открывали сезон за три недели до конца года. Чтобы принять участие в охоте, знать стекалась в их Лифонскую систему со всей галактики. В лучшие годы число гостей Крамеров достигало несколько сотен. В лучшие годы... Александр передернул плечами. После того как на днях один из чешуйчатых монстров разорвал на куски Симеона и Лару, желающих продолжать вековую традицию точно станет меньше.

— Похороны завтра, в закрытых гробах, — сообщил Александр, опустив свой бокал на стол. — Говорят, их останки собирали в течение двух дней по всему заповеднику.

— Дети остались? — вяло уточнил Брей.

— Да, сын. Мальчишке едва исполнилось десять.

— И куда его теперь?

— К дяде. У Симеона есть младший брат. Леонид, кажется. Он заберет его к себе.

— Ну уже что-то, — опрокинув в себя очередную порцию виски, Нейк невольно поморщился от жгучей порции алкоголя. — Гадкие у тебя новости. Есть хоть что-то хорошее? Что-то не связанное с тупоголовыми болванами и кровавыми смертями... — Его взгляд скользнул в сторону голограммы над столом Александра. — Что это там у тебя?

Диспенсер слегка поджал губы, разворачивая голограмму к другу.

— Это еще кто такой? — спросил Брей, безразлично глядя в изображение и взбалтывая в стакане почти растаявший кусок льда.

— Рейнир Триведди, космогеолог с Керюта в Галисийской системе, он сейчас во всех новостях. Не слышал?

Нейк равнодушно качнул головой.

— А должен был?

Александр пожал плечами.

— Крайне талантливый паренек. Вырос в бедном гетто на отшибе Калиотской системы, потерял семью еще в детстве. Увлёкся наукой. За десять лет поднялся до восемнадцатой касты.

— Безродный, но подающий надежды молодой ученый... — безразлично пробубнил под нос Брей.

— Пару лет назад он открыл несколько геологических школ в Галисийской системе. Ему всего двадцать пять, а Лифонские СМИ уже включили его в список самых выдающихся людей столетия. Говорят, еще пару лет, и он войдет в элиту.

Нейк устало посмотрел на друга.

— И с каких пор ты покровительствуешь науке?

— С тех самых, когда узнал, что этот Рейнир начал исследовать черные дыры. Хочу пригласить его в Данлийскую резиденцию. Ты знаешь, у меня хорошее чутье, а этот парниша — будущий гений. Представь, что будет, когда его исследования прогремят на весь мир.

— Великие открытия под покровительством императорского дома Диспенсеров, — заключил Брей. — Красивая история.

Губы Александра изогнулись в одобрителной усмешке. Нейк всегда быстро улавливал суть.

— Это может нам пригодиться. В перспективе.

Нейк что-то удовлетворенно промычал в ответ.

— Но ты, конечно, хочешь поговорить не об этом, — осторожно заметил Александр. — Ты тут уже более пятнадцати минут, и все еще не поинтересовался...

— ...как Татьяна? — закончил Брей, откинувшись на спинку кресла и выжидающе посмотрев на него. Его голос все еще был сухим и шершавым, но от Александра не укрылось, как осветлело лицо друга при упоминании дочери.

Он слабо улыбнулся в ответ.

— Прекрасно. Она очаровала всю прислугу. Тебе определенно стоит почаще ее отпускать. Держишь ее на своем Валаате в четырех стенах как пленницу, хотя прекрасно знаешь, как она нуждается в общении со сверстниками.

— Да неужели? — скривился Брей. — И что же я еще знаю?

— Оставляй ее почаще у нас, — невозмутимо предложил Александр. — К тому же они неплохо ладят с Кристианом. Им нравится играть друг с другом.

— Они дети, — пробормотал Нейк. — Им нравится все, пока ты вовремя подтираешь им задницу и не забываешь запихивать в рот еду.

Больше, чем о Татьяне, Брей не любил говорить разве что о своих женщинах. О любовных интересах лучшего друга Александру было известно столько же, сколько и остальным. То есть примерно ничего. Двадцать лет назад, когда они только выходили в свет, Нейк был таким же нелюдимым и бестактным, как и сейчас, и все же толпы девиц преследовали его по пятам. Он же всегда оставался к ним предельно равнодушным. Обществу это не нравилось. Нейку же не нравилось то, что, по всеобщему мнению, его почему-то должно было это волновать.

В течение долгих лет Александру не было известно ни об одной женщине, которая бы вызвала в Нейке если не симпатию, то хотя бы интерес. Ядовитые языки лиделиума поносили его друга за скрытность, грубость, цинизм и высокомерие, то и дело приписывая ему десятки абсурдных романов, ни один из которых так и не подтвердился. Вероятно, поэтому, когда однажды Нейк появился на одном из приемов Диспенсеров с двухлетней девочкой на руках, Александр, как и все присутствующие, едва не лишился дара речи.

— Ваша светлость! — кричал ворвавшийся вслед за ним стражник. — Я прошу прощения, но мне нужно... — задыхаясь после бега, он кивнул в сторону малышки, что от испуга жалась у Брея на руках, — просто необходимо установить личности всех гостей...

Стражник смотрел на Александра и Джорджиану с невысказанным отчаянием, не осмеливаясь даже украдкой взглянуть на разъяренного Брея.

— Мне необходимо установить личности всех гостей... — в очередной раз растерянно повторил он.

— Она моя дочь, — в гневе огрызнулся Брей, окинув хищным взглядом толпу. — Этого будет достаточно?

Александр был вынужден признать, что да. Так Татьяна Брей, в одночасье появившись в их жизни, вскоре стала не просто постоянным и любимым гостем в резиденции, но и членом их семьи. Нейк так и не рассказал ни о ее происхождении, ни о том, кто ее мать. В лиделиуме ходили слухи, что Татьяна — плод его любовных связей с простолюдинкой. Джорджиана и вовсе считала, что девочка ему даже не родня. Самого же Александра не волновала ни одна из версий. Если малышка и впрямь была дорога его другу — значит, она была важна и для него самого.

С того самого момента Нейк почти никогда не разлучался с дочерью. Он крайне редко выбирался в люди, но когда это происходило, неизменно брал ее с собой — не важно, будь то праздничный прием в День Десяти или деловые переговоры. Исключение составляли лишь редкие отъезды Брея в далекие регионы. Тогда он оставлял Татьяну с многочисленной прислугой в своей резиденции на Кальсионе или же, как сейчас, у Диспенсеров. Александр знал, что дальние путешествия даются другу очень непросто — к его собственному удивлению, малышке удалось пробудить в Нейке такую глубокую привязанность, на которую, как он думал до недавнего времени, тот и вовсе был не способен.

— Как Кристиан? — поинтересовался Брей, с явным разочарованием опустив на стол пустой стакан. Хороший виски всегда заканчивался слишком быстро. — Ему стало лучше? Новая методика этого вашего... — Брей замылся. — Квалал... Кларал...

— Кларксона, — помог Александр.

— Да, его, — с облегчением кивнул Брей. — Она работает?

По лицу Александра прошла тень.

— Нет, — он покачал головой, — не работает. Пока... пока еще нет.

И, по правде говоря, все становится только хуже — хотел добавить он, но почему-то промолчал. Кошмары, что вот уже два года мучили его семилетнего сына, не только не прекратились ни на одну ночь, но и усугублялись. Из раза в раз, как по часам, Кристиан просыпался весь мокрый, в истерике срывающая голос и задыхаясь от ужаса. Жуткие крики, доносящиеся из его комнаты по всему северному крылу, сводили с ума всю прислугу. При одном воспоминании последней ночи у Александра по телу прошла холодная дрожь. Сегодня он с Джорджианой не мог разбудить сына около двадцати минут. Кристиан метался в агонии. Когда он наконец пришел в себя, то едва мог говорить.

Александр залпом осушил свой бокал и вскочил на ноги. Безумие, что с каждым днем все больше поглощало его сына и с которым он, как ни старался, не мог ничего сделать, пугало и сводило его с ума. Нейк Брей не знал и десятой части всех ужасов. Как истошно кричал Кристиан и как они с Джорджианой переживали каждую ночь, пытаясь привести его в сознание. И хорошо, думал Александр. Никто не должен был этого знать.

— Он хоть сказал, в чем может быть дело? — спросил Нейк, отвлекая его от мыслей. Он говорил о докторе Кларксоне.

— Психосоматика, — выдохнул Александр, сам не веря собственному заключению.

Очередной сюр. Доктор Кларксон и вправду говорил, что дело в психосоматике. Доктор Таяль полагал, что во всем виноваты неизвестно откуда взявшиеся травмирующие воспоминания. Доктор Лофинский считал, что причиной всему скрытое психическое расстройство, а доктор Килси убеждал всех, что дело в стрессе. Откуда у семилетнего ребенка мог взяться этот самый стресс, он, разумеется, не уточнял. Во всем этом парадоксе абсурда Александр Диспенсер наверняка был уверен только в одном — ни один из этих ученых-недоумков не был способен помочь его сыну.

— Значит, ты полагаешь... — начал Брей, но так и не договорил. Двери кабинета распахнулись, и на пороге показалась одна из операционок.

— Ваше величество, — с ходу обратилась к Александру машина, — вам стоит пройти в северный холл.

— Сейчас?

— Это касается вашего сына. Ему не очень хорошо...

Александр вылетел из кабинета быстрее, чем Нейк успел среагировать. Он, выругавшись, все же поднялся и поспешил вслед. Они добрались до северного холла меньше чем за пару минут, но это время показалось Александру вечностью. Когда дело касалось Кристиана, все остальное моментально меркло в его глазах.

Когда он ворвался внутрь, Кристиан стоял недалеко от входа, тяжело дыша и в отчаянии прожигая глазами старинную вазу, осколки которой были раскиданы по полу в метре от стола. Его опухшие серые глаза были сухими, и все же Александр заметил, как дрожали руки сына, когда он наконец заметил их с Бреем и поднял на него испуганный взгляд.

— Это Кристиан! — послышался тонкий, немного писклявый голос Татьяны Брей с противоположной стороны стола. — Это он разбил ее!

Александр вздохнул с облегчением. Операционка ворвалась в кабинет так резко, что он уже было поверил, что произошло что-то и впрямь плохое. Переведя выжидающий взгляд на сына, он постарался придать ему всю серьезность.

— Кристиан?

— Это ложь! — в ярости подорвался Кристиан. — Она врёт! Я даже не притронулся к вазе! Я стоял здесь.

— Но она разбилась! — не унималась Татьяна. — Она разбилась из-за тебя!

Лицо Кристиана вмиг стало красным.

— Я ее не трогал! Она разбилась сама!

— Кристиан, — сдержанно, но холодно заметил Александр, — вещи не ломаются сами по себе. Это всего лишь ваза. Я не злюсь на тебя за то, что ты скинул ее по неосторожности. Но я злюсь

из-за того, что ты отказываешься проявить смелость и честно в этом признаться.

— Я же сказал, — сжав кулаки, яростно прошипел Кристиан сквозь зубы, — я ее даже не трогал!

— Мы уже говорили об этом раньше: ложь — оружие трусов...

— Александр! — хрипло перебил Брей.

Обернувшись на голос друга, Александр бросил мимолетный взгляд в сторону консоли в противоположном конце зала и замер от ужаса. Все немногочисленные предметы декора, что лежали на ней мгновение назад, теперь парили в невесомости в двух метрах над поверхностью. Наблюдая за этим, Татьяна тряслась как лист на ветру.

Александр едва мог дышать. Происходящего не заметил один лишь Кристиан, что, как и прежде, смотрел на него в яростном отчаянии.

— Я не лжец! — закричал он, из последних сил сдерживая слезы, что жгли глаза от обиды. — Я говорю тебе правду! Ты слышишь?! Я говорю правду!

Уже позже, десятки раз засыпая по ночам, Александр снова и снова возвращался мыслями к тому самому дню, представлял красные, опухшие глаза сына и задавался вопросом: могло ли все сложиться иначе? Возможно, если бы он проявил большее понимание и доверился Кристиану, все бы обошлось. Тьма, что пробудилась в его сыне, не успела бы взять над ними верх. Кристиан бы не утратил контроль, страх бы не парализовал Татьяну, а то, с какой силой раскачивается гигантская двухтонная люстра над их головами, он успел бы заметить на несколько мгновений ранее. Три секунды, если быть точнее. Ровно столько понадобилось Нейку на то, чтобы, осознав происходящее, броситься к Кристиану и со всей силы оттолкнуть его как можно дальше к стене. Три секунды, снова и снова думал Александр, содрогаясь от ужаса. Этого хватило, чтобы Брей спас его сына, но оказалось недостаточно, чтобы он добрался до собственной дочери.

Представляя белое, безжизненное лицо Татьяны с замершими стеклянными зрачками, Александр всегда думал о собствен-

ной позорной беспомощности и об истинной цене человеческой жизни. Теперь он знал ее наверняка.

Три чертовы секунды.

ГЛАВА 1

ПОМНИ, КТО ТВОЙ НАСТОЯЩИЙ ВРАГ

Кристанская империя. Аранда,
вторая планета Данлийской звездной системы,
резиденция императорской семьи Диспенсер,
4854 год по ЕГС*

(7079 год по земному летоисчислению)

ЗА 12 ЛЕТ ДО ТРАГЕДИИ НА МЕЛЬНИСЕ

Крупные хлопья снега медленно кружились в воздухе, оседая на земле и голых деревьях и образуя мохнатые сугробы на перилах балкона. В ярком дневном свете Данлии они переливались всеми оттенками золота и серебра. Само же местное солнце из-за морозной дымки теперь казалось не ярко-красным, а желтым, словно покрылось ледяной коркой.

Пока рядом копошилась взволнованная прислуга, Кристиан неотрывно смотрел в окно, наблюдая за снегопадом. Ему казалось странным, что в тот момент, когда в его доме творилось настоящее безумие, весь остальной мир словно был погружен в глубокий сон. Идиллию за окном нарушал только шум то и дело приземляющихся воздушных кораблей.

В Данлийскую резиденцию Диспенсеров они прибывали каждые пять минут. Кристиан никогда не был против гостей. Ему нравилось, когда огромные парадные залы дворца наполнялись смехом, стуком каблуков, быстрой речью, звоном бокалов и громкой музыкой. Данлийская резиденция всегда казалась ему слишком огромной, слишком роскошной для одной его семьи. Помпезные холлы были созданы для вечных праздников и шумных приемов. Но сегодня был не такой день. Сегодня, ко-